

283
62

АЛЕКСАНДРЪ ЗАКРЖЕВСКІЙ.

ПОДПОЛЬЕ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

- доб* Достоевскій.
 - доб* Леонидъ Андреевъ.
 - Федоръ Сологубъ.
 - Левъ Шестовъ.
 - Алексѣй Ремизовъ.
 - Михаилъ Пантюховъ.
-

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ИСКУССТВО И ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“.

1911.

VII.

Корни подполья, созданнаго Достоевскимъ, находятся еще въ его ранней юности. Жизнь приняла Достоевскаго необычайно сурово, жизнь съ первыхъ лѣтъ научила его покоряться всевозможнымъ авторитетамъ и императивамъ, жизнь обрекла его на вѣчную больную тоску, на цѣлый пожаръ этой тоски, и жутко глядѣть, какъ онъ сжигаетъ его душу. Отецъ словами, похожими на удары палки, внушалъ неумоимо ему, что онъ долженъ уважать и любить этотъ гнетъ, эту тоску, эту забитость и пришибленность—все то, что составляетъ жизнь. Отецъ самъ предалъ безжалостно его инквизиторскому року и тугой петлею суроваго деспотизма сдушилъ эту хрупкую и нѣжную душу. Вотъ почему „уже съ дѣтства привыкъ онъ бояться жизни, уже въ дѣтствѣ проявилось въ немъ то недоувѣрчивое, подозрительное отношеніе къ себѣ и другимъ, которое совершенно испортило его юность“ (Е. Соловьевъ, біографія Достоевскаго). Вотъ почему такъ судорожно сжалась, такъ мимозно ушла въ себя эта юная жизнь, и тамъ, на днѣ самого себя нашла ту же тоску, ту же страшную боль, то же отчаянье, что и въ жизни. Взрослому человѣку, очутившемуся въ этомъ положеніи, нелегко придется, а что уже говорить о юношѣ, почти ребенкѣ! Только что открылась завѣса жизни и уже—замученный, уже обреченный на жестокость! И поблѣднѣла, померкла, съежилась жизнь, и отчаяннымъ воплемъ врѣзалась въ сѣрое петербургское небо.

И еще въ одномъ изъ раннихъ писемъ Достоевскаго мы находимъ слѣдующія знаменательныя строки „жизнь отвратительна. Хорошо лишь то, что далеко отъ нея отъ ея земнаго счастья, что духовно. Одно только состояніе и дано въ удѣлъ человѣку—атмосфера души его состоитъ изъ слянія неба съ землей; какое же противозаконное дѣяніе природы человѣкъ: въ немъ законъ природы нарушенъ!.. Мнѣ кажется, что міръ нашъ чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшною мыслью. Мнѣ кажется, міръ принялъ значеніе отрицательное и изъ высокой изящной духовности вышла сатира... Видѣть одну жестокую оболочку, подъ которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно, чтобы разбить ее и слиться съ вѣчностью!.. Ужасно!“ ...

И тамъ, въ своей каморкѣ на мансардѣ, изображенной въ „Подросткѣ“,—замерли первые эти замученные вопли, но еще жила въ немъ слабая надежда на что то свѣтлое, ideally возвышенное, на что то теплое и радостное, что въ своихъ объятіяхъ согрѣетъ его охладѣвшую душу и весь міръ превратитъ въ волшебную сказку любви и гармоніи хоть бы на одно мгновеніе! И въ ту памятную ночь, когда къ Достоевскому ворвались Некрасовъ и Григоровичъ и вознесли на алтарь поклоненія его „Бѣдныхъ Людей“, въ эту ночь вспыхнула надежда ярче и чудными лучами счастья озарила его. Тогда казалось, что вотъ слетитъ съ души тяжесть и что то тихое, ясное появится и мигомъ сроднитъ его и съ жизнью и съ людьми. Вѣдь самъ Бѣлинскій, самъ кумиръ, самый святой похвалилъ его талантъ, вѣдь писатели, тѣ, что зажигаютъ души огнемъ божественнаго свѣта, писатели стали его друзьями! И Достоевскій весь какъ въ чаду отъ восторга, и въ письмѣ къ брату онъ въ слѣдующихъ словахъ повѣргаетъ ему свои золотые идеальныя сны „о, я буду достойнымъ этихъ похвалъ, и какіе люди! Я заслужу,

постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ они; пребуду вѣренъ! О, какъ я легкомысленъ, и если бы Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи! А все говорятъ, что эти литераторы горды, самолюбивы! Впрочемъ этихъ людей только и въ Россіи, они—одни, *но у нихъ однакъ истина*, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ... Мы побѣдимъ; о, къ нимъ, съ ними!“... Вся надежда Достоевскаго, вся его святѣйшая вылилась въ этомъ письмѣ! И онъ пошелъ къ этимъ единственнымъ, къ этимъ свѣтлымъ, особеннымъ, таинчымъ единственную истину, пошелъ съ чистымъ, вѣрующимъ сердцемъ!..

И можетъ быть не одну ночь пролежалъ въ своей каморкѣ, лихорадочно дрожа и извиваясь и корчась въ радостномъ изступленіи, мечтая робко и восторженно о томъ, какъ онъ пойдетъ къ Бѣлинскому и откроетъ ему всю свою замученную душу, все свои мысли, всю обиду, всю муку и тоску, и скажетъ ему „ты, единственный, ты святой, возьми же меня, приласкай, пойми меня, открой мнѣ свою истину, вѣдь она весь міръ спасетъ для меня, научи меня какъ жить. Пожалѣй!“.

И казалось, что все это возможно, эта гармонія, это откровеніе, это чудо, казалось, что онъ, великій критикъ, пишущій такіа возвышенныя вещи—пойметъ его, спасетъ, убьетъ его тоску, его сомнѣнія, замѣнитъ ему всю жизнь, Бога, весь міръ! И, сорвавшись съ кровати, весь воспаленный, весь тоскующій и надѣющийся, онъ бѣжалъ на квартиру къ Бѣлинскому, чтобы крикнуть, чтобы залиться слезами, чтобы узнать, полюбить, спастись, забыться!..

И, какъ всегда, онъ застаетъ Бѣлинскаго—блѣднаго, измученнаго, усталого, за столомъ, играющаго въ преферансъ съ Панаевымъ и съ Тургеневымъ (!) и ни чуть не расположеннаго къ тому, чтобы приласкать, полюбить, спасти! По его мнѣнію это неприлично и смѣшно, это ни что иное,

какъ нервическая чепуха, это не для жизни, а вотъ въ статьяхъ и въ книгахъ—тамъ можно и полюбить, и приласкать, и спасти—тамъ всякія вольности и красивѣе, и возвышеннѣе, и гораздо выгоднѣе! А для жизни существуютъ только преферансъ и бутылка водки, а что больше того—то смѣшно и неприлично. Для Бѣлинскаго и его друзей, казалось, не было понятно, что они убиваютъ жизнь, которая протягивается къ нимъ съ надеждой и вѣрой, для нихъ не было понятно и показалось бы смѣшнымъ, что возвышенныя чувства и идеальныя вещи гораздо нужнѣе здѣсь, въ жизни, нежели на бумагѣ, и что бумагу въ данномъ случаѣ можно и похерить! И они подвергли душу Достоевскаго мучительной, и жесткой пыткѣ и только черная каморка знала и видѣла, что переживаетъ онъ въ эти ужасныя минуты своей жизни... И особенно въ этомъ преуспѣвалъ Тургеневъ.

Онъ, какъ всякій идеалистъ, любящій все прекрасное и высокое, и поступалъ подобно всемъ идеалистамъ, т. е. на словахъ и на бумагѣ лѣзъ на стѣнку и продѣлывалъ всевозможныя идеалистическія кувырканія, что въ жизни не мѣшало нисколько ему быть пошлякомъ зловреднымъ и ничтожнымъ, какъ и подобаетъ всякому писателю! Панаева-Головачева въ своихъ воспоминаніяхъ такъ описываетъ одну изъ этихъ сценъ терзанія души Достоевскаго.

... Разъ Тургеневъ при Достоевскомъ описывалъ свою встрѣчу въ провинціи съ одной личностью, которая вообразила себя гениальнымъ человѣкомъ, и мастерски изобразила смѣшную сторону этой личности. Достоевскій былъ блѣденъ, какъ полотно, весь дрожалъ и убѣжалъ, не дослушавъ разказа Тургенева. Я замѣтила всѣмъ: къ чему такъ изводить Достоевскаго!—но Тургеневъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи, увлекъ и другихъ, такъ что никто не придавалъ значенія быстрому уходу Достоевскаго. Тургеневъ сталъ сочинять юмористическіе стихи на Дѣвушкина, героя

„Вѣднхъ Людей“, будто бы тотъ написалъ благодарственныя стихи Достоевскому, что онъ оповѣстилъ всю Россію объ его существованіи, и въ стихахъ повторялось часто „малютка“... Такъ была поругана и осмѣяна эта болѣзненно чуткая душа, предъявившая требованіе къ писателямъ спасти и воскресить!

Можетъ быть кто нибудь другой, не Достоевскій и выдержалъ бы эту пытку, но если вспомнить, во что тогда превратилась его душа, если понять, сколько сложныхъ, невыносимо скрытыхъ струнъ было задѣто, если подумать *какой былъ тогда Достоевскій*, если поставить на его мѣсто подобнаго ему современнаго неврастника съ душой и нервами, похожими на тающую паутину,—мы убѣдимся, что эта трагедія была выше силъ и что она *должна* была разразиться чѣмъ то ужаснымъ и роковымъ. Послѣ этого Достоевскій ушелъ отъ всѣхъ, погрузился въ себя, къ желанному удивленію его друзей и вотъ, какъ плодъ всей этой муки, какъ зеркало всего, что пережили въ это время Достоевскій, явились „Записки изъ Подполья“.

И можетъ ли быть месть сильнѣе и лучше этой! Вѣдь въ этой книгѣ каждый читаетъ свои проклятыя, свою боль и свое отчаянье, а это значить, что оно вполне выражаетъ тогдашнее состояніе души Достоевскаго.

Но развѣ она можетъ искупить обиду? Развѣ вообще есть что либо въ мірѣ, что было бы въ силахъ изгладить и смыть съ души слѣды пытки грязныхъ человѣческихъ рукъ? Развѣ можно забыть обиду, превратившую душу въ ужасъ, вѣру и надежду—въ безысходное отчаянье, любовь и ожиданіе—въ вѣчную скорбь безъ конца! И развѣ можно послѣ всего этого примириться съ жизнью и не уйти изъ нея, и не проклясть ее, и не вырвать ее изъ обалдѣвшаго своего мозга!

Невозможно! Ибо слишкомъ чутокъ, слишкомъ сложенъ, слишкомъ непримиримъ былъ Достоевскій—и вотъ, жестокая

судьба бросила его на растерзаніе подполью! И какова же должна была быть эта мука, если ему пришлось не только переживать подполье, но еще писать о немъ, т. е. испытывать два величайшихъ терзанія, какія только могутъ быть въ мірѣ! Вѣдь писать,—значить, исторгать изъ души окровавленную, дымящуюся ея внутренности и безчисленное число разъ отражать ихъ въ обезумѣвшемъ мозгу!.. Писать—значить обманывать себя и унижаться, испытывать великій стыдъ передъ кѣмъ то грязнымъ и отвратительнымъ, что стоитъ за тобой и безстыдно созерцаетъ твою наготу, И, наконецъ—писать, значить обезцвѣчивать и умалять свое страданіе и свою жизнь, пропуская ее сквозь великую ложь, которая называется искусствомъ. Писать не надо, надо или проклинать или молиться—кто что можетъ, ибо послѣдняя ложь возвышеннѣе первой! Достоевскій все таки писалъ, испытывая при этомъ нѣчто такое ужасное, *что* само можетъ возбудить отвращеніе ко всякому творчеству. Вотъ почему его писанія похожи на крикъ больного въ бреду—казалось бы отъ этого могъ бы встряхнуться міръ, но нѣтъ, онъ стоитъ и по нынѣ на томъ же постыдномъ мѣстѣ!

Достоевскій въ „Запискахъ изъ подполья“ создалъ то, что нужно для жизни—великую и широкую почву отрицанія. На ней можно сѣять что угодно и разные взойдутъ всходы—мы это видѣли въ современности, но почва останется неизмѣнной, такой, какъ онъ ее создалъ въ своей тѣсной каторгѣ, отверженный и оплеванный людьми.—Современники пользуются этой почвой для всевозможныхъ цѣлей, одни—для гонорара и славы, другіе—для того, чтобы излить свою желчь, третьи—чтобы забыться.

Современникамъ не хочется знать, что, служа отрицанію и проклятыю, они берутъ на себя большую отвѣтственность передъ тѣмъ, кто научилъ ихъ этому и для котораго не было другой мысли, кромѣ той, что только въ хаосѣ и разрушеніи

возможна истинная жизнь, не творчество, не искусство, а жизнь! Современники разрушают и созидают міры на бумагах, получают гонорары и играют въ преферансъ, но никому изъ нихъ не вспомнится, какъ разрушалъ и какъ проклиналъ Достоевскій, который до того обезумѣлъ въ отчаяніи, что даже повѣрилъ въ Бога!

И никому не станетъ стыдно оттого, что они все разрушаютъ и разрушаютъ, а міръ продолжаютъ стоять на одномъ мѣстѣ и не пошелохнется, какъ будто бы и не слышитъ!

Всякому совѣстно признаться, что ихъ идеи не идутъ дальше бумаги, совѣстно признаться въ томъ, что все ихъ творчество есть переспяніе изъ пустого въ порожнее, потому что воздвигнуто и покоится на лжи.

Чернышевскій разрѣшился какъ то великою мудростью въ своей диссертации „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“. Въ ней онъ доказываетъ, что искусство, если оно не желаетъ остаться на мертвой точкѣ, должно стать жизнью, должно вобрать ее въ себя и, разсыпавшись тысячами огнепалительныхъ искръ, зажечь весь этотъ міръ. Мысль эта представляется мнѣ какъ то особенно вкусной, ее можно разжевывать и раскусывать на тысячу ладовъ и послѣ того, какъ поймешь, что она и туманна, и парадоксальна, и мало обоснована, все же кажется какъ то особенно заманчивой, какъ то особенно пригодной для всевозможныхъ фантастическихъ вариаций! Вѣдь какъ бы занято было, если бы писатель, желающій мысль Чернышевскаго привести въ исполненіе, вдругъ вышелъ на улицу, подошелъ къ первому встрѣчному и, схвативъ его за горло, сталъ преспокойно душить, единственно по той причинѣ, что онъ проповѣдуетъ отрицаніе и хочетъ соединить искусство съ дѣйствительностью!

Вѣдь и мудро, и послѣдовательно сдѣлано и, даже, благородно, а все таки что то неладно и грозитъ въ лучшемъ случаѣ сумасшедшимъ домогъ!

Достоевскій до того не переносилъ Чернышевскаго, что даже оправдывался публично въ своей якобы невинности, когда его обвинили въ оскорбленіи Чернышевскаго, но все же исполнить на свой ладъ какую нибудь вариацию объ отношеніи искусства къ дѣйствительности — не рѣшался. А жаль, занято бы было!

Исполить въ „Идиотѣ“ — тотъ было рѣшился, но вызвалъ публичный скандалъ. Онъ умиралъ отъ чахотки и, рѣшивъ покончить съ собой, передъ смертью публично исповѣдывался передъ специально для этого собранной аудиторіей. Въ этой исповѣди онъ такъ страстно, такъ глубоко и прочувствованно сознавался въ своихъ мученіяхъ, и о ночныхъ призракахъ не забылъ, и про Мейерову стѣну, и о томъ, что она неизбежна, о томъ, что она высосала изъ него послѣдніе соки жизни.

Онъ Аглаѣ посвятилъ свою исповѣдь, но та, кажется, не особенно была тронута, впрочемъ, онъ этого и ожидалъ, и называлъ свою исповѣдь „Après moi le déluge“. Но скандалъ былъ неожиданный: патроновъ въ револьверѣ не оказалось, и несчастный кающійся грѣшникъ остался живъ.

И если всякая попытка въ этомъ родѣ будетъ подобна этой, то тогда ужъ лучше ничего не писать, ни въ чемъ не исповѣдываться и преспокойно пустить себѣ пулю въ лобъ.

Творцы подполья, къ несчастью, всегда уподобляются автору „Après moi le déluge“. Они уходятъ отъ жизни, они строятъ себѣ свою мрачную пещеру, въ которой готовятся принести себя въ жертву небытію, но потомъ вдругъ появляются улыбающіеся и довольные, получаютъ жирные гонорары, играютъ въ преферансъ, а подполье остается на бумагахъ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что подполье не нужно, напротивъ, можетъ быть оно только одно, изъ всѣхъ попытокъ, найти истину, и заслуживаетъ вниманія.

Жаль только, что въ данномъ случаѣ, страданіе,—т. е. то безумное чувство, послѣ котораго остается только повѣрить въ Бога,—приносится въ жертву искусству! А объ искусствѣ еще О. Уайльдъ гениально выразился, что оно есть самая возвышенная ложь.

Для того же, чтобы страданіе осталось искреннимъ и правдивымъ, для того, чтобы оно могло отмстить за себя и испелить самую возможность лжи, остается только одно: *передать проклятію всякое искусство!*

1909 г. 5 Ноября,
Кіевъ.